

У каждого свой рай

Воспоминания об оперном сезоне в столице

Кульмурса - 2000 - 24 - 30 авг. - с. 9

Сцена из спектакля "Дарская невеста"

Он был небогат — почти все театры сдавали темп, а Музыкальный имени Станиславского и Немировича-Данченко вояво отмолчался, не выпустив даже заявленной "Дуэны". Роли же прочих в ежезасонной пьеске распределились по привычной схеме. Амбициозный вельселяк, претендующий на первенство в компании, — это "Геликон". Дама с дурным характером, лидирующая по факту, — "Новая опера". Идеалист, по всем законам времени оказавшийся в обозе, — Камерный театр Покровского. А Простодушный, идущий куда глаза глядят, — Большой. Но он-то и пришел к самому любопытному (не путать с выскоким) результату.

С двумя премьерами, которые театр, находящийся в состоянии перманентной реконструкции (или дум о ней), осилил, здесь наконец нарисовался курс. Но курс сколь спонтанный, столь и сомнительный. "Псковитянка" явилась как материализация идефикса Евгения Светланова: "Русалка" была предложением габтовских солистов. Воля руководства заключалась в малом — дать "добро" на постановку. "Добро" прозвучало. В первом случае, как представляется, потому что мечта maestro сопрягалась с провозглашенным, но стачно на пробуксовывающим васьлевским принципом: "Большой — для больших звезд", во втором случае в пользу "Русалки" руководство театра мог склонить успех "Опричника", точнее — оцененная обществом идея вытасщить из небытия произведение, несправедливо забытое (пусть в отличие от оперы Чайковского опера Дарго-

мыжского ставилась в Большом не раз — для нынешнего поколения она почти "кот в мешке"). Вместе с "Опричником" прошлого сезона две новые премьеры и составили упомянутый курс — на национальный паритет.

Курс, появившийся в царстве случайностей, нат спору, — хорошо. Плохо, что конкретно этот довершает превращение его, некогда первого из первых, в театр местного значения. С репертуаром, где сплошь князья да бояре, неведомые прочему миру, о международной карьере стоит забыть. Давно замечено: опера тем больше привлекает, чем лучше ее знает. Парадокс, на котором стоит соответствующий рынок. Читай: шлягер там самый ходовой товар. В Большом последний из таковых была концертная "Норма", а до нее — "Аида", "Богема", "Травиата". Все неконкурентоспособный товар в силу скромности вокальных, режиссерских, сценнографических сил, что и констатировала узнавшая в заграничных вкус первоклассных оперных блюд критика. Выход, по всему нашему мнению интуитивно, — устранить причину огорчений. В результате второй сезон здесь обходится без мировых шлягеров, предпочитая ставить "вещицы", где поле для сравнения — с лужайку (многие ли помнят старых "Псковитянку" с "Русалкой"? А сегодняшний меломан за пределами отчества их дннем с опнем на сыщат). Нормальная защитная реакция того, кто слаб... По мне — в ней, а не в патристизме габтовских "верхов" корень проступившего курса. Курса, кото-

рый стоил бы дорого, работай Большой в темпе пять — шесть премьер в сезон и имей репертуар, свидетельствующий о широте спорных интересов. Но в реальном контексте для театра первого положения это путь в местечковый тупик.

Прочие московские Оперы не двинулись ни вверх, ни вниз с занимаемых позиций. В Камерном театре Покровского по-прежнему неадекватно воспринимают свои музыкальные силы — чему свидетельством проваления по этой части "Шелковская глестница" Россини (режиссер Михаил Кисляков). И по-прежнему строят для измученных соотечественников царство света и нравственного здоровья. Но улетучуда вряд ли кого-нибудь в силах, как не в силах увлечь в светлое будущее позун "Мир, труд, май!". Нашего человека на парфосом берут — болшо. А это именно то, чего категорически избегает мэтр, разумеется, и в своей последней "Сорочинской ярмарке".

"Геликон", ограничившийся тремя премьерками ("Паяцы" молодого питерца Балакина, "Макбет" опытного француза Крнефа и "Леди Макбет Мценского уезда" "кисти" самого Бертмана), тоже никаких сюрпризов не преподнес. Все тот же проблемный музыкальный ряд, несмотря на приглашение за дирижерский пульт асов — Бражника и Понькина. Все тот же режиссерский кураж, не всегда подкрепленный мастерством. Новое здесь — разве что звездная болезнь, постигшая здешнего лидера (ее симптомы: отлучение от театра вредных критиков, жалобы на них по инстан-

циям и совсем уж халатные приготовления из ингредиентов второй свежести "Леди Макбет"). Поправляйтесь, Дмитрий Александрович!

"Новая опера" тоже из тех, кто стабилен — и в успехе, и в неудачах. Но ее позиция — верная строчка в сезонном рейтинге московских театров (рейтинг мой), а сверх того — живое напоминание о стародавнем споре, кто ж на оперном свете всех главнее, режиссер или дирижер. Главное, оказалось, масштаб личности. Портрет Колобова, с которым по этой части в столице не может сравниться никто, и отобразил сезон его "Новой оперы".

Почему он все ищет режиссеровоспостановщиков в сопредельных с оперой пространствах? Надо полагать, не по пиюмеру "старшего питейского брата", тень которого, нависшая надо всей страной (кто ж не перенимает его методов, кто ж не мечтает о том же успехе?), над театром в саду "Эрмитаж" видна отчетливее всего. Скорее, Колобов ищет адекватную себе личность, но в оперном мире не находит. Последняя из его "находок" — балетмейстер Алла Сигалова поставила в "Новой опере" "Травиату", при всей своей спорности вышедшую на такой художественный уровень целого, какого в Москве не видели давно. Эта "Травиата" и обеспечила театру рейтинговый взлет. Но Сигалова лишь на спортила "игру" дирижера Колобова и сценнографа Гейдебрехта. А до предположений, что было бы, сложись альянс Колобова со стопроцентной равней Сокуравым, вообще захватывает дух. Но альянс и, следовательно, заду-

манная ими в этом сезоне постановка "Тамглет" Тома не состоялась. Что, по всему, закономерность — учитывая неспособность по крайней мере одной из могущих досегирирующих сторон ладить с собратями художниками. С vocalистами. С журналистами. Вообще с миром.

Не умея, подобно известному маркизцу, завоевать его, он бурчит: не хочу замечать, буду творить для своих. "Высокий" блеф, результат которого — уход его артистов в Маринку, в Большую, далее вездю. Не к кормушке одной белуги и не от коллобовского характера. А потому что ни один художник не любит замкнутых пространств (литераторы не в счет). Каждому нужен мир. Колобову тоже. Но он заложник собственного характера и делает таковыи другим.

Вокалисты ему "мстят", оставаясь самым слабым звеном в золотой колобовской цепи. Не исключением стала и концертная "Сельская честь", которую он вдруг, незапланированно, под самый конец сезона предъявил публике. Подвигла его на этот шаг Казарновская. Он ее ставка. А что заставило его пойти на альянс с ней? Ее воля, обаяние — не голос же? Тем не менее они сделали "Сельскую честь", явив контрастную пару: супермен (с точки зрения творческой формы) и — угасающая звезда с голосом, уже лишившимся цвета, запаха, вкуса... И Колобов в который раз не мог взлететь так высоко, как мог и хотел. Заложник.

Лариса ДОЛГАЧЕВА